

A detailed sci-fi illustration of a futuristic, industrial landscape. In the foreground, a large, complex, metallic structure floats in the sky, resembling a giant mechanical entity or a massive space station. It has various pipes, cables, and mechanical components hanging from it. Below it, another similar but smaller structure is visible. The background features a bright blue sky with white clouds, a large, pale moon, and a body of water with rocky islands. The overall aesthetic is a blend of industrial and fantastical elements.

Александр Восьмой

**Ужасы: Эхо
мёртвых
созвездий**

Александр Восьмой

Ужасы: Эхо мёртвых созвездий

<https://litres.ru/74241577>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эхо мёртвых созвездий. В глубинах космоса блуждает флот-призрак: корабли движутся без экипажа, транслируя обрывки криков и команд на забытых языках. Молодая навигаторша случайно перехватывает сигнал, который ведёт её по следам исчезнувшей экспедиции. С каждым новым фрагментом памяти, всплывающим в её сознании, граница между прошлым и настоящим стирается. Масштабная история о том, как космос хранит чужие кошмары — и готов отдать их любому, кто осмелится прислушаться.

Александр Восьмой

Ужасы: Эхо

мёртвых созвездий

Глава 1. «Сигнал из пустоты»

Панель приборов мерцала тусклым голубым светом, будто не хотела тревожить тишину капитанского мостика. Лира сидела в полумраке, склонившись над консолью, и слушала космос — не музыку звёзд, не ровный гул двигателей, а ту самую тишину, в которой опытный навигатор умел различать малейшие отклонения. Для неё космос был не безмолвной пустотой, а сложной симфонией частот, где каждый оттенок шума имел значение.

Рутинное сканирование сектора шло по привычному алгоритму: волны уходили в чёрную даль, возвращались эхом, и система аккуратно раскладывала данные по ячейкам. Лира почти не смотрела на графики — она слушала. И именно поэтому уловила то, что алгоритмы сочли бы просто помехами.

Сначала это был едва заметный сбой — словно кто-то провёл пальцем по стеклу экрана. Потом в потоке данных мелькнул резкий, неестественно чистый импульс, выбивающийся из общего ритма. Он не был похож на излучение звезды, не совпадал с сигналами известных маяков, не тянулся шлейфом от пролетавшего метеорита. Это был голос. Или

его имитация.

Ли́ра задержала дыхание и развернула спектральный анализ. На экране вспыхнули графики, и в них проступила странная закономерность: сигнал пульсировал, как сердцебиение. Не хаотично, а с чёткой, почти гипнотической периодичностью. А поверх этого ритма накладывались обрывки звуков — человеческие голоса, искажённые до неузнаваемости, но всё ещё различимые.

Она усилила фильтрацию, пытаясь очистить сигнал от помех. И тогда из шума начали проступать слова. Не на общегалактическом. Не на одном из современных диалектов. Это был древний язык, который Ли́ра знала лишь по учебникам и редким архивным записям — язык исчезнувшей колонии, о которой вспоминали только в сносках к историческим трактатам. Фразы были короткими, рублеными — команды, приказы, возможно, последние слова экипажа. И среди них — один повторяющийся фрагмент, словно застрявший в петле времени: «Они слышат нас. Они слышат нас. Они...»

Ли́ра почувствовала, как по спине пробежал холодок, и машинально потянулась к кнопке внутренней связи, чтобы доложить о находке. Рука замерла в сантиметре от панели. Что она скажет? Что услышала призраков? В лучшем случае её отправят на проверку психостатуса, в худшем — снимут с маршрута и передадут дело аналитикам, которые разберут сигнал на байты, не услышав в нём ни боли, ни страха, ни отчаяния.

А она услышала.

В логах системы тем временем появились координаты — точки, которых не было ни в одной звёздной карте. Ни в основной, ни в резервной, ни в секретных архивах. Они будто возникли из ниоткуда, привязанные к этому сигналу, словно сам космос отметил место, куда нужно прийти.

Лира снова посмотрела на экран, где пульсировал чужой ритм, и почувствовала, как её собственное сердце подстраивается под него, будто отзываясь на зов. Она знала, что должна доложить. Знала, что безопаснее всего будет передать данные и забыть. Но что-то внутри неё — то ли профессиональное любопытство, то ли упрямое чувство долга перед теми, кто кричал в этом сигнале, — не позволяло нажать кнопку.

«Я просто проверю точку, — прошептала она себе, словно оправдываясь. — Пять минут сканирования, подтверждение аномалии — и сразу назад».

Она ввела новые координаты в навигационную систему, и корабль тихо, почти незаметно, сменил курс. В иллюминаторе бескрайняя пустота космоса казалась теперь не безмятежной, а насторожённой, будто сама Вселенная затаила дыхание, ожидая, что сделает эта маленькая фигурка в капитанском кресле.

Сигнал продолжал звучать, становясь чуть громче, чуть чётче. И в нём Лира вдруг различила ещё один звук — не команду, не крик, а тихий, едва уловимый шёпот, будто кто-то звал её по имени. Или ей только показалось.

Корабль летел сквозь тьму, а Лира смотрела на мерцающие графики и понимала: она только что пересекла невидимую границу между рутинной и чем-то гораздо более опасным — между известным и тем, что лучше было никогда не находить.

Глава 2. «Тени на орбите»

Корабль Лиры вышел из микропрыжка ровно в расчётной точке, и реальность будто треснула по швам. На тактической проекции вспыхнули десятки целей — не хаотичные точки обломков, не следы метеоритного потока, а чёткие, выверенные силуэты кораблей, выстроившихся в идеальный, почти ритуальный строй. Флот-призрак. Он дрейфовал в абсолютной тишине космоса, но при этом его системы работали: мерцали навигационные огни, пульсировали контуры силовых полей, экраны транслировали кадры, которые не должны были сохраниться спустя столько циклов.

Лира застыла, вцепившись пальцами в подлокотники кресла, пока автопилот удерживал дистанцию. Её собственный корабль казался крошечным и хрупким рядом с этими исполинами, чьи корпуса были покрыты странными бороздами — будто металл когда-то плавился и застывал снова, искажая линии корпусов. Это были корабли исчезнувшей экспедиции, официально признанной пропавшей без вести три года назад. Теперь они здесь, в мёртвой точке между звёзд, и они... жили. Не как машины, а как нечто большее

— как хранилища чужой боли.

Она запустила внешний скан, но данные возвращались искажёнными: датчики выдавали противоречивые показатели — температура обшивки то зашкаливала, то падала до абсолютного нуля, гравитационные сенсоры фиксировали микродвиги там, где их быть не могло. А потом экраны начали показывать не телеметрию, а кадры.

На одном мониторе мелькнул коридор, залитый тревожным красным светом, и фигура в скафандре, бегущая прочь от чего-то, что оставалось за кадром. На другом — лицо капитана экспедиции, застывшее в крике, который Лира не слышала, но чувствовала физически, словно вибрация прошла сквозь кости. На третьем — фрагмент записи, где кто-то выкрикивал команды на том самом древнем языке, который она уже слышала в сигнале. Эти записи не были архивными. Они были... живыми. Как будто экспедиция всё ещё погибала, снова и снова, в бесконечном цикле.

Лира сглотнула, пытаясь вернуть контроль над дыханием. Её пальцы дрожали, когда она переключала каналы, надеясь найти хоть что-то стабильное. И тогда система вывела на главный экран фрагмент бортового журнала. Текст был искажён, будто кто-то намеренно стирал и восстанавливал его, но отдельные фразы читались чётко:

«Проклятие памяти. Сигнал не просто передаёт данные — он резонирует с сознанием. Каждый, кто слышит его, начинает видеть то, что видели они. Воспоминания становятся

заразными. Мы пытались заглушить сигнал, но он уже внутри нас. Он внутри всех нас...»

Лира отшатнулась от экрана, словно обожжённая этими словами. И в тот же миг её накрыло.

Это не было видением или сном. Это было... знание. Внезапное, острое, как осколок стекла. Она вдруг вспомнила лицо капитана — не из архива, не из новостей, а так, будто знала его всю жизнь. Будто они вместе пили горький кофе в кают-компании, спорили о маршрутах, смеялись над нелепыми шутками навигаторов. Она вспомнила его голос, его запах, его привычку щёлкать пальцами, когда он нервничал. И вместе с этим воспоминанием пришла чужая паника — холодная, липкая, парализующая, та самая, что была в его последних секундах.

Лира схватилась за голову, пытаясь отогнать наваждение, но оно не отступало. Оно прорастало в её сознании, сплетаясь с её собственными воспоминаниями, искажая их. На мгновение ей показалось, что она не в своём корабле, а в том самом коридоре, залитом красным светом, и что за углом что-то ждёт, что-то огромное и голодное, питающееся страхом.

— Нет, — прошептала она, ударяя кулаком по консоли. — Это не моё. Это не моё!

Система отозвалась резким писком, и наваждение отступило, оставив после себя звенящую пустоту и горьковатый привкус во рту. Лира тяжело дышала, её руки дрожали, но

взгляд был твёрдым. Она посмотрела на флот-призрак, на эти застывшие в вечном падении корабли, и поняла: если она хочет выжить, если хочет понять, что здесь произошло, ей придётся зайти внутрь.

Она активировала стыковочный протокол, хотя каждая клетка её тела кричала, что это ошибка. Шлюз её корабля тихо зашипел, готовясь к стыковке с одним из кораблей флота. На экранах продолжали мелькать кадры чужой гибели, а где-то в глубине систем пульсировал тот самый ритм — сердцебиение проклятия.

«Я найду ответы», — твёрдо сказала Лира, хотя её голос прозвучал непривычно глухо, будто пространство вокруг поглощало даже звук.

Корабль мягко состыковался с корпусом флагмана экспедиции. Лира надела скафандр, проверила оружие и сделала шаг в шлюз. Холодный, металлический воздух чужого корабля коснулся её лица, и в этот момент она поняла: она больше не одна. Космос слушал. И он был готов поделиться своими кошмарами с каждым, кто осмелится войти в эту тень.

Глава 3. «Голос в темноте»

Внутри флагмана царила тишина, которая давила сильнее любого шума. Лира двигалась по коридору, и каждый её шаг отдавался глухим эхом в пустоте корабля — будто сама конструкция сопротивлялась её присутствию. Свет аварийных

ламп мигал с нерегулярной частотой, выхватывая из темноты то перекошенный люк, то следы оплавления на переборках, то странные символы, вырезанные прямо на металле. Они напоминали руны, но складывались в узоры, от которых у Леры неприятно сжималось в груди.

Она шла по следам данных из бортового журнала: в нём упоминался центральный узел связи — место, откуда исходил основной сигнал. Там, по словам капитана экспедиции, находился источник «проклятия памяти». Лира не верила в проклятия, но верила в технологии, которые могли ломать сознание. И сейчас ей нужно было найти и обезвредить эту штуку — любым способом.

Центральный узел оказался круглой комнатой без окон, с куполом из тёмного стекла, под которым висел массивный артефакт. Он не выглядел как часть стандартной корабельной системы: ни привычных панелей, ни разъёмов, ни маркировок межзвёздных консорциумов. Это было нечто древнее, собранное из слоёв кристаллических пластин, переплетённых тонкими нитями светящегося вещества. В центре пульсировал тусклый алый свет — ровно, ритмично, будто билось чужое сердце.

Лира замерла на пороге, чувствуя, как по коже пробегает ледяная дрожь. Устройство не просто излучало энергию — оно будто прислушивалось. И ждало.

Она достала универсальный модуль подавления и подключила его к ближайшему порту на стене, надеясь заглу-

шить сигнал на уровне сети. Но система корабля не отвечала: протоколы безопасности были отключены или переписаны, а вместо стандартных логов на экране мелькали обрывки фраз на том самом древнем языке. Лира выругалась сквозь зубы и решила действовать напрямую.

Подойдя к артефакту, она протянула руку к центральной пластине, чтобы принудительно обесточить устройство. В тот момент, когда её пальцы коснулись холодного кристалла, мир взорвался светом.

Перед глазами вспыхнула чужая реальность. Лира увидела собственные руки — но они были не её. Кожа была светлее, пальцы тоньше, на запястье — шрам в форме полумесяца, которого у неё никогда не было. Эти руки держали панель управления, лихорадочно переключая тумблеры. В ушах раздался чужой голос — женский, срывающийся от паники: «Он слышит нас! Он слышит всё!»

А потом — резкий переход. Коридор, залитый красным светом, бегущие фигуры, крики. И над всем этим — низкий, вибрирующий гул, проникающий под кожу, заставляющий зубы ныть от напряжения. Лира почувствовала, как её собственное тело будто раздваивается: она одновременно стояла в круглой комнате перед артефактом и бежала по коридору флагмана три года назад, спасаясь от чего-то, что гналось за экипажем сквозь отсеки.

Вспышка закончилась так же внезапно, как и началась. Лира отшатнулась, ударившись спиной о переборку, и тяже-

ло задышала, пытаясь вернуть себе ощущение собственного тела. Её пальцы дрожали, а в голове ещё звучал чужой крик, постепенно растворяясь в тишине.

Она поняла: устройство не просто хранило записи. Оно синхронизировало сознание с памятью погибших. Каждый, кто касался его, становился проводником чужих воспоминаний — и не мог отличить их от своих собственных.

Лира сжала кулаки, заставляя себя сосредоточиться. Она должна была отключить это, пока оно не поглотило её целиком. На этот раз она не стала трогать сам артефакт. Вместо этого она вытащила из снаряжения импульсный разрядник — устройство, способное вырубить любую электронику мощным электромагнитным импульсом. Она прицелилась в основание конструкции, глубоко вдохнула и нажала на спусковой механизм.

Разряд ударил по артефакту с яркой вспышкой. На мгновение всё вокруг замерло, а затем... устройство не отключилось. Напротив — его свечение стало ярче, а ритм пульсации ускорился. И в тот же миг Лира почувствовала, как пол под ногами едва заметно дрогнул.

Она бросилась к тактической панели у входа. На экране развернулась трёхмерная схема флота-призрака. И то, что она увидела, заставило её кровь похолодеть.

Корабли, неподвижно дрейфовавшие в космосе, начали медленно менять курс. Их строй, казавшийся застывшим, приходил в движение — плавно, но неотвратимо, как будто

флот просыпался после долгого сна. И все векторы сходились в одной точке: туда, где сейчас находилась Лира.

«Они реагируют на меня», — пронеслось в её голове. Артефакт не просто считывал её сознание — он использовал её как якорь, как точку синхронизации, чтобы вернуть флоту-призраку способность двигаться.

Лира выругалась и сорвала с пояса коммуникатор, пытаясь отправить сигнал бедствия на свой корабль. Но в эфире царила мёртвая тишина — только тот самый пульсирующий ритм, который она уже слышала раньше, теперь звучал громче, настойчивее, будто требовал ответа.

Она огляделась, ища другой способ остановить артефакт. В углу комнаты она заметила аварийный шлюз — систему самоуничтожения отсека. Если она активирует его, комната будет изолирована и уничтожена вместе с устройством. Но тогда она окажется запертой здесь, без шанса на спасение.

Лира посмотрела на пульсирующий артефакт, на экраны, где флот-призрак продолжал менять курс, и поняла: у неё нет времени на сомнения. Она метнулась к панели шлюза, ввела код активации и нажала кнопку подтверждения.

Сирены взвыли, тяжёлые двери начали закрываться, отрезая её от остального корабля. В последние секунды, пока створки ещё не сомкнулись, Лира успела заметить на экране новую деталь: флот-призрак не просто двигался — он выстраивался в боевой порядок. Как будто готовился к атаке. Или к чему-то гораздо более страшному.

Двери захлопнулись с глухим лязгом. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только нарастающим гулом артефакта. Лира прижалась спиной к стене, чувствуя, как холодный металл впивается в скафандр, и прошептала:

— Давай, работай.

Таймер на панели отсчитывал последние секунды. А где-то в глубинах космоса флот-призрак, ведомый чужим голосом и её собственным присутствием, продолжал свой путь — тихий, безжалостный, бесконечный.

Глава 4. «Перекрёстки памяти»

Тишина в отсеке после срабатывания аварийного шлюза была не обычной, а какой-то выжженной — будто сама ткань пространства здесь истончилась, и сквозь прорехи просачивались чужие эмоции. Лира прислонилась к холодной переборке, чувствуя, как по венам бежит не просто адреналин, а что-то чужое, тяжёлое, пропитанное паникой трёхлетней давности. Её дыхание постепенно выравнивалось, но сознание отказывалось оставаться в одной точке времени.

Вспышки приходили без предупреждения.

Вот она стоит у панели на своём корабле, проверяет курс — и вдруг пол уходит из-под ног, а вместо привычной обшивки перед глазами мелькает коридор флагмана, залитый тревожным красным светом. Она слышит топот ботинок, чужие выкрики, запах гари и озона, такой резкий, что хочется закашляться. А потом — снова её отсек, её скафандр, её

собственные пальцы, впившиеся в металл.

Лира стиснула зубы, пытаясь удержать себя в настоящем. Но чем сильнее она цеплялась за реальность, тем настойчивее воспоминания чужой команды прорывались сквозь её защиту. Это были не просто кадры, не просто звуки — это были ощущения: липкий страх, когда понимаешь, что спасения нет; тяжесть в груди от осознания, что ты уже проиграл; и самое страшное — чувство, будто за тобой наблюдают из темноты, и это «что-то» знает о тебе больше, чем ты сам.

В одном из таких перескоков Лира увидела станцию. Не просто точку на карте, а место — заброшенную научную базу на окраине нестабильного сектора, где когда-то велись эксперименты с пространственно-временными аномалиями. В воспоминании мелькнули обрывки разговора двух учёных: «...артефакт спрятан в криохранилище... никто не должен его активировать... он не считывает память — он её пожирает...». И следом — резкий, оглушающий звук сирены и крик: «Оно идёт!»

Когда видение рассеялось, Лира уже знала, куда ей нужно лететь. Станция была ключом ко всему: к тайне флота-призрака, к природе «проклятия памяти», к тому, как остановить то, что следовало за экспедицией сквозь звёзды.

Она добралась до резервного терминала — тот уцелел, потому что был изолирован от основной сети. Пальцы летали по сенсорным клавишам, выдёргивая из памяти корабля всё, что могло относиться к той станции: старые отчёты, навига-

ционные метки, предупреждения систем. И чем больше данных она собирала, тем яснее становилось: сектор, где находилась станция, считался крайне нестабильным. Гравитационные аномалии, искажения временных полей, спонтанные разрывы пространства — всё это делало полёт туда почти самоубийственным. Система корабля настойчиво мигала красными уведомлениями: «Маршрут небезопасен. Вероятность разрушения корпуса — 78 %. Вероятность временной дисторсии — 93 %».

Лира смотрела на эти цифры, и в голове у неё звучал чужой голос, тот самый, из воспоминаний: «Никто не должен его активировать». Она понимала, что поступает безрассудно. Понимала, что рискует не только жизнью, но и собственной личностью — ведь с каждым новым видением её «я» становилось тоньше, растворяясь в чужих страхах и воспоминаниях. Но если она не пойдёт туда, флот-призрак продолжит свой путь, и проклятие памяти найдёт новых жертв.

— Я иду, — прошептала Лира, словно бросая вызов тишине отсека. — И я найду ответы.

Она запустила процедуру разблокировки шлюза. Тяжёлые створки с лязгом разошлись, открывая путь обратно в коридоры корабля. Лира шла быстро, почти бежала, стараясь не задерживать взгляд на мерцающих экранах, где по-прежнему мелькали кадры чужой гибели. Каждый такой взгляд был как укол — ещё один фрагмент чужой памяти пытался прижиться в её сознании.

На мостике она быстро проверила системы корабля. Всё было готово к старту, но Лира знала, что обычного маршрута не хватит. Ей нужно было пройти через зону аномалий, и для этого требовался особый расчёт — такой, какой делают только опытные навигаторы, готовые рискнуть всем. Она села в кресло, закрыла глаза и на мгновение позволила себе снова увидеть то воспоминание: станцию, криохранилище, слова учёных. И вдруг в её сознании всплыла траектория — не из старых карт, а из памяти капитана экспедиции. Это был тайный маршрут, известный лишь узкому кругу лиц, путь, который позволял обойти самые опасные гравитационные ловушки.

Лира открыла глаза и начала вводить координаты. Пальцы слегка дрожали, но движения были точными. Она чувствовала, как чужое знание сплетается с её собственным опытом, образуя нечто новое — навык, которого у неё раньше не было. Это пугало, но в то же время давало надежду: возможно, именно эта связь с памятью экспедиции поможет ей выжить там, где другие погибли.

Корабль оторвался от корпуса флагмана и рванулся вперёд, разрезая тьму космоса. На тактической панели сектор станции горел тревожным красным цветом, предупреждая об опасности. Но Лира не смотрела на предупреждения. Она смотрела вперёд, туда, где среди звёзд пряталась разгадка.

И в этот момент её сознание снова дрогнуло.

Перед глазами вспыхнула сцена: капитан экспедиции сто-

ит перед криохранилищем, его лицо искажено болью и решимостью. Он протягивает руку к замку, а за его спиной сгущается тьма — не обычная космическая пустота, а нечто живое, плотное, дышащее. И в последний миг, прежде чем тьма поглотила его, он прошептал: «Прости».

Видение исчезло, оставив после себя горький привкус во рту и странное чувство: будто она только что потеряла кого-то очень близкого. Лира сжала кулаки, заставляя себя сосредоточиться на управлении кораблём. Она знала, что впереди её ждёт не просто станция, а испытание, которое может стереть её личность без остатка. Но она была готова рискнуть. Потому что теперь она не просто искала ответы — она пыталась спасти тех, кто уже не мог спастись сам.

Корабль мчался сквозь звёзды, а где-то в глубинах сознания Леры пульсировал чужой ритм, напоминая, что она больше не одна. Космос слушал. И он был готов отдать свои кошмары любому, кто осмелится идти до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.